

с глобальными трендами и модой, с высоким имиджем, как правило, повышают добавочную стоимость товаров, услуг, акций и программ (событий). Их «подключение» в маркетинге иногда может быть нецелесообразным, как показывает пример с изменением написания (с латиницы на кириллицу) названия компании «*Wimm-Bill-Dann*» > «Вимм-Билль-Данн». В заключение стоит отметить, что графические и орфографические особенности изучаемых имен собственных также являются важным параметром для присвоения символической стоимости товару / услуге и для актуализации коннотаций, используемых при конструировании национальной идентичности.

Гусейнова Н. А. Современная российская эргонимия в аспекте иноязычных заимствований : дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М., 2005.

Хоффманн Э. Имена собственные в бизнесе // Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ. В печати.

Nübling D., Fahlbusch F., Heuser R. Namen. Eine Einführung in die Onomastik. Tübingen, 2012.

Sonderegger S. Namengeschichte als Bestandteil der deutschen Sprachgeschichte // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Vierter Teilband. Berlin ; New York, 2004. P. 3405–3436.

А. Т. Хроленко

Курский государственный университет, Курск
khrolenko@hotmail.ru

Экзистенциальный мотив использования диалектной лексики в художественном дискурсе

Вопрос об использовании диалектной лексики в художественном тексте не нов. Описаны и объяснены, казалось бы, все возможные случаи употребления местных слов, однако в художественной практике современных писателей, вышедших из крестьянской глубинки России и не потерявших духовной связи с малой родиной, обнаруживаются

такие стороны отбора лексики, на которые до сих пор исследовательское внимание не распространялось.

Обратимся к рассказу «Жил-был Герасим Лукич» курского писателя Михаила Николаевича Еськова, которого читательская и писательская общественность страны признала лучшим прозаиком России 2013 года.

«Герасим Лукич нес *оклунок* ржаной муки». Так начинается избранный нами рассказ. На юге России и в Курской области существительное *оклунок* означает ‘неполный мешок чего-л.’. Почему писатель словосочетанию *неполный мешок чего-либо* предпочел достаточно редкое, а потому широкому читателю малоизвестное существительное *оклунок*? Более того, в сравнительно небольшом (всего тринадцать страниц) тексте это слово повторилось не раз. Думается, дело в том, что существительное, обозначая поклажу, формирует понятие, играющее в рассказе сюжетообразующую роль. Важность понятия объясняет использование соответствующего слова в первой же фразе повествования. *Оклунок* не просто ноша за плечами персонажа. Это неожиданный для него дар. «Герасим Лукич не думал ни о какой поживе, а свояк неожиданно расщедрился. Был бы рад и малому фунту. А уж *оклунок*... Счастье, можно сказать, с неба свалилось». Полтора пуда ржаной муки в голодное время страшной войны — это не только еда, это залог выживания, спасения. И первое движение души героя рассказа — сберечь муку для себя и своей жены. И тут неожиданная встреча со знакомой женщиной, у которой голодные дети и умирающий от недоедания сын. «Знаешь что, — он опустил *оклунок* к ее ногам. — Вот, выхаживай детей». У истории *оклунка* счастливый финал: «Вот, *пустой мешок* принесла. Спасибочки за муку, затирушкой ребят покормила. Толик ожил, в охотку поел». *Оклунок* превратился в *пустой мешок*.

Свыше двух десятков диалектных слов использовано автором в тексте одного рассказа, и наличие этих слов не кажется излишним. Большая часть диалектных лексем связана со сквозной темой голода как перманентного состояния персонажа. «Меню» голодающего — повседневная *затируха* (‘суп, похлебка из муки; похлебка из ржаной муки; кушанье из кусочков теста, сваренных в кипятке или молоке’), а предел мечтаний — *саламать* (‘кисель или жидкая каша из муки’). Постоянное чувство голода вызывает наглядную картину приготовления мучного кушанья. «...Скорее всего, бабка сварит *саламать*. Дело

нехитрое: слегка поджарить муку, до густоты замесить ее в крутом кипятке, разбить комковатость, предварительно на загнету выгresti угли, поставить на жар чугунок с *саламатью* — и ждать. Скоро чугунок начнет опышно дышать, самая пора отодвинуть его от огня. Спешить хвататься за ложку не стоит, пусть *саламать* каждой крупинкой, всем своим нутром основательно вызреет ... *Саламать* — еда сытная, почти что мясо».

Голодное существование физически ослабляет человека, в руках нет *державы* ('сила, устойчивость, крепость'), орудие труда в них *ошмыгается* ('о непроизвольном движении инструмента в руке из-за слабости в руках'): «И топор вострый, а *ошмыгается*: в руках никакой *державы*». *Пурхается* ('барахтаться, возиться в чем-л. (снегу, пыли и т. п.)') согнутая баба, принужденная заниматься неженским трудом — тянуть из-под земли *чуху* ('подземная часть дерева, средостение его корней, чурбан, пригодный на дрова').

Нищета обряжает человека в нечто *ледащее* ('изорванный, изношенный') и заставляет быть *прошаком* ('тот, кто просит милостыню, нищий'): «*Прошаки* бродят, хоть дверь не закрывай: всем миром собираются друг у друга — нищие у нищих». Возникает вопрос, почему автор в одном и том же предложении использует два синонима — *нищий* и *прошак*. Какими семами эти слова различаются? *Нищий* — профессия постоянная, а *прошак* — состояние временное?

Практика крестьянствования отбраковывает то, что в растительном мире не пригодно на еду или на корм скоту, — *дурнину* ('любое сорное растение; трава, не годная для корма скота') и *дулолом*. Слово *дулолом* в словарях отсутствует, однако очевидно, что его семантика близка содержанию однокоренного существительного *дурнина*.

Колобродного теленка ('ненормальный, помешанный') и *заполюшный* стрекот сороки ('взбалмошный, сумасбродный'), *прогонистую* лозу и *никлое* настроение ('поникший, увядший; пониклый') ощущает или видит тот, кто живет на самой земле в трудное время.

Все отмеченные нами диалектные слова использованы прозаиком в авторском повествовании, что само по себе говорит об их важности для рассказчика. Это не факультативные элементы речевой характеристики персонажа, а авторские обозначения доминант сознания, те элементы материнского языка, которые приходят в голову в минуты рубежного — быть или не быть — состояния.